

Авторская
рубрика

Людмилы КУСЛИВОЙ

Камертон – звук определённой высоты, по которому настраивают инструменты в оркестре. Чтобы звучал оркестр гармонично и слаженно.

Особый камертон – профессиональные, жизненные, нравственные ориентиры в отношениях между людьми – нужен и каждому из нас. Об этих ориентирах я и буду вести разговор со своими собеседниками.

.....

Анна Маланкина родилась в семье одного из основателей белорусской артистической и режиссёрской школы, заслуженного деятеля искусств БССР, режиссёра и педагога Владимира Андреевича Маланкина. Из-под его крыла вышла плеяда талантливых белорусских режиссёров – Валерий Раевский, Борис Луценко, Валерий Мазынский, Валерий Маслюк, Николай Пинигин. Детство Анны прошло в окружении актёров, режиссёров, художников.

И большую часть своей жизни Анна Маланкина провела на сцене – 30 лет заслуженная артистка Республики Беларусь служит в Национальном академическом драматическом театре имени Максима Горького. За эти годы сыграла здесь десятки ведущих ролей. Снималась в кино, в телеверсиях спектаклей «Христос и Антихрист», «Кто там?», «Грех лицедейства». Её творческие достижения, вклад в развитие национальной культуры отмечены многочисленными наградами и призами. Но главная награда для Анны Маланкиной – любовь зрителей. Уже несколько поколений её почитателей восхищаются талантом и обаянием актрисы.

Анна Маланкина:

**«Каждая роль
привносит новое**

В МОЮ ЖИЗНЬ»

– Анна, с детства вас постоянно окружали творческие люди – родители, их соратники и ученики. Ваш путь на сцену был предрешён? Никакого другого выбора вы для себя не оставляли?

– Я сейчас понимаю, что меня вела судьба. И с годами вообще всё больше верю в судьбу и в её фатальность. Конечно, то, что я родилась в семье Владимира Андреевича Маланкина, наше окружение, литература, которую я читала, – всё это предвещало только одно: я буду актрисой. Недавно, кстати, мы рассуждали с моими двоюродными сёстрами, которых я очень люблю, о том, кем бы я могла стать. Я ведь была успешна в математике, очень любила алгебру. У меня были пятёрки по физике, химии. Мне легко давались естественные науки, и они меня интересовали. Правда, сёстры мне напомнили, как я устраивала в детстве домашние спектакли. У меня до сих пор есть свод законов моего домашнего театра, которые нельзя было преступать. И когда я перечитала вновь свои режиссёрские и организационные установки того времени, то поняла, что очень серьёзно к своему театру относилась. Знаете, мы разыгрывали «Собаку на сене» Лопе де Вега!

Я любила костюмированные кинофильмы, французскую литературу, шпаги, плащи и какие-то романтические истории из XVII века. И всё, что увлекало меня в литературе или кино, мы импровизационно проигрывали в домашнем театре. Но я не придавала тогда серьёзного значения этим увлечениям и не мечтала стать именно актрисой.

– Был всё же крен в сторону алгебры и физики?

– Мне легко давались эти предметы. Я получала удовольствие, когда трудная задача решалась. Мне нравилась чёткость красивой формулы и точность решения. Мой учитель математики Владимир Иванович Шаппо говорил: «Аня, ну о чём тут думать, конечно, технический вуз!». Однако я была в растерянности – в 16-17 лет не очень представляла свою дальнейшую жизнь после школы. Когда сказала Владимиру Ивановичу, что собираюсь поступать в театральный, он не одобрил: «Аня, зачем тебе это нужно, у тебя же замечательное логическое мышление. Тебе нужно поступать только в технический вуз!».

Моя профессия даёт мне возможность взглядеться в себя, совершенствоваться. И я в конечном итоге становлюсь результатом моего творчества.

Вступительные экзамены в театральный институт были по времени раньше, чем в технические вузы, и я их успешно сдала. Это избавило меня от ещё одних экзаменов – в радиотехнический. А когда поступила в театральный, была очень счастлива и горда!

– Ваша первая роль на профессиональной сцене состоялась, когда вы ещё были студенткой. И роль не проходная – Миранда в «Буре» Шекспира на сцене Белорусского государственного театра имени Янки Купалы. Вы осознавали, начиная свой сценический путь, что вас ждёт, насколько это тяжёлый и ответственный труд?

– В 18 лет я, конечно, не очень осознавала. Но, как у человека, воспитанного на советских принципах, моим ориентиром в детстве был... Владимир Ильич Ленин. Моя бабушка, женщина интересной и сложной судьбы, жена командира Красной армии, полковника, кавалера Ордена Ленина, когда будила меня по утрам в детстве, всегда говорила, что Владимир Ильич Ленин,

будучи ребёнком, как только открывал глаза, сразу вставал с постели и занимался делом. Такое бабушкино воспитание сформировало у меня чувство ответственности. Школьные задания нужно выполнять только на отлично! В институте я тоже очень ответственно относилась к учёбе. А когда я попала на работу в легендарный Купаловский, я знала, что это для меня фантастическая возможность – главная роль в спектакле по пьесе Шекспира. Но вряд ли я тогда глубоко понимала в этой драматургии...

Тем не менее, это был очень интересный опыт работы с режиссёром Валерием Раевским, с труппой театра: вхождение в замечательный коллектив, в котором меня тепло приняли, сама атмосфера ведущего театра, возможность выступить на его сцене – всё это было для меня счастьем! А какие великолепные артисты были рядом – Август Милованов (он был моим партнёром в спектакле), Игорь Денисов, Александр Подобед, Арнольд Помазан – это потрясающая профессиональная школа!

Я вообще очень любила играть истории про любовь. Это было для меня очень важно. Каждый спектакль на меня влиял, привносил что-то в мою жизнь, даже влиял на мою жизнь.

– Вы пытались тогда определить для себя, что такое театр – работа или игра? И как вы к этой игре относились?

– Ответственно, как бабушка научила! По-другому и быть не могло. Меня обязывала моя фамилия, память об отце. Я должна была продолжить его дело своей актёрской работой. И я делала всё возможное, чтобы это продолжение было достойным.

Всё, что было в моём тогдашнем понимании (незрелой ещё личности, совсем юной девушки, потерявшей не только отца, но и педагога, большого режиссёра), это максимальная отдача на сцене. Иногда, конечно, максимальная отдача не означает максимального результата. Но я очень серьёзно относилась к театру, к выходу на сцену.

Одна из любимых актрис Владимира Андреевича Маланкина, Лариса Зайцева, меня очень поддерживала, когда папы не стало (мне тогда было 12 лет). Такая огромная потеря, с ней девчонке-подростку тяжело справиться. До 17 лет я была очень закрытой, мало общалась, в основном читала. Но несколько раз ездила к Ларисе Зайцевой в гости в Москву: мы вместе ходили в театры, она мне много рассказывала о работе актёров и театральной жизни. И однажды обмолвилась, что для того, чтобы быть хорошей актрисой, нужно иметь свою личностную судьбу, свою историю. Может быть, зря она мне это сказала, потому что я глубоко восприняла её слова. И никогда потом не уходила от препятствий, конфликтов, много испытал в своей жизни. Но всё это было важно для моей работы, для театра, чтобы расширить своё внутреннее пространство, испытать какие-то страсти, не оставаться равнодушной. Не очень уверена сегодня, что всё было

необходимо, но это – моя судьба. Это дало мне огромный багаж для проживания на сцене судеб моих героинь.

– Эти судьбы вы проживаете уже 30 лет! А как вообще складывалась ваша творческая судьба в театре имени Максима Горького?

– В русский театр я попала по распределению после окончания института. И, конечно, не считала, сколько раз выходила за эти годы на его сцену. Забросила арифметику после школы... (Улыбается). Теперь я вообще ничего не считаю – отпускаю то, что было, и иду дальше. Пожалуй, мне хотелось бы, чтобы у меня был личный секретарь, который бы подсчитывал, отслеживал, собирал публикации... А если серьёзно – я никогда не была озабочена масштабностью и цифрами. Ролей у меня было порядка сорока. Моя актёрская история в русском театре началась с Антона Павловича Чехова – в «Трёх сестрах» играла Ирину.

– Какие профессиональные вехи стали за эти годы для вас самыми важными?

– Когда я пришла в русский театр, я попала в окружение выдающихся актёров, и они очень трепетно ко мне относились. Ростислав Янковский, Белла Масумян, Людмила Былинская, Ольга Клебанович, Александр Ткачёнок, Валерий Бондаренко. Первые годы моей работы они делали мне очень ценные замечания. Они были для меня как педагоги.

Большой школой для меня был спектакль «Безумец и монахиня». У польского режиссёра Кшиштофа Ясиньского был свой подход к драматургическому материалу, он много внимания уделял философии этой пьесы, мы очень подробно разбирали каждую сцену. И для меня это была одна из важных профессиональных вех. После этого очень интересная работа была в спектакле «Метеор» по пьесе Фридриха Дюрренматта «Грех лицедейства» и пьесе «Оркестр» Жана Ануя режиссёра Александра

Карпова. Это соединение двух вроде бы несоединяемых пьес, работа на малой сцене близко к публике. Это история героя Ростислава Янковского – Вольфганга Швиттера, который никак не может умереть, а я – его молодая жена Ольга. Это была для меня очень интересная работа!

Мои дальнейшие творческие вехи – роль Афроськи в спектакле «Христос и Антихрист». Для меня это был неожиданный творческий подарок от режиссёра Бориса Луценко. Как и роль Алкмены в спектакле «Амфитрион». Я очень любила играть этот спектакль с Юрием Козюцицем, который так безвременно ушёл...

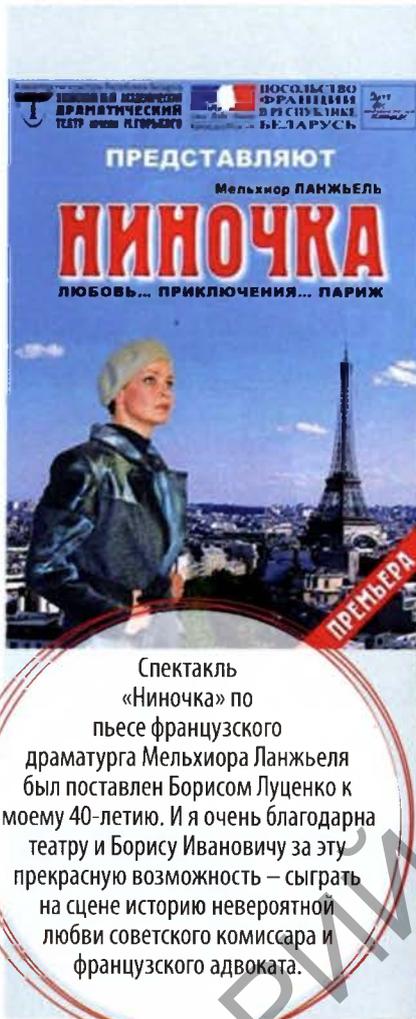
Я вообще очень любила играть истории про любовь. Это было для меня очень важно. Каждый спектакль на меня влиял, привносил что-то в мою жизнь, даже влиял на мою жизнь.

Один из любимых спектаклей – «Единственный наследник» по пьесе Жана-Франсуа Реньяра, где я играла Лизетту. Мне пришлось войти в спектакль, который ставил мой отец, Владимир Андреевич Маланкин, ещё в 1974 году, и который я видела, будучи первоклассницей! Когда я услышала знакомую с детства музыку, у меня было такое сердцебиение, что думала: не смогу выйти на сцену, не произнесу текст. Это был мистический момент.

Невероятной удачей было для меня получить роль Марианны в «Земляничной поляне». Даже не мечтала о такой роли, вроде бы я в неё не вписывалась. Но когда режиссёр Аркадий Кац, который ставил спектакль, прочитал пьесу и сказал, что распределение ролей будет на следующий день, я всю ночь не находила себе места. А получила эту роль в партнёрстве с Ростиславом Ивановичем Янковским – и ощутила абсолютное счастье!

А замечательная встреча с такой драматургией, как «Сладкоголодая птица... с Человеческим голосом». Соединение в спектакле режиссёра Александра Карпова драматургии Теннесси Уильямса и Жана Кокто, возможность прикоснуться к этой драматургии – это для меня, безусловно, профессиональный успех.

Вообще, мне судьба дарит роли героинь, в жизни которых происходили яркие перемены, как в «Ниночке», в «Леди на день»! Меня всегда очень

Спектакль «Ниночка» по пьесе французского драматурга Мельхиора Ланжьеля был поставлен Борисом Луценко к моему 40-летию. И я очень благодарна театру и Борису Ивановичу за эту прекрасную возможность – сыграть на сцене историю невероятной любви советского комиссара и французского адвоката.

интересовало, как на большой сцене можно настолько кардинально поменяться. Спектакль «Леди на день» был поставлен к моему юбилею замечательным режиссёром Дмитрием Астраханом. И этот спектакль дал мне возможность с успехом перейти в новое амплу.

Могу только благодарить свою судьбу и театр за то, что мне были предоставлены такие возможности.

– Вы воплощаете на сцене такие сильные чувства! Но чтобы это было убедительно, чтобы нашло отклик у зрителя – что и кто помогает вам в этом?

– Любовь! Она меня питала и пыталась – и это не оговорка. В моей жизни было много любви, много страсти, много романтики. Для меня как актрисы это была настоящая подпитка. У меня все сценические истории тоже про любовь. Так что любовь, любовь мой источник!..

А ещё я всегда волнуюсь, когда выхожу на сцену. Ведь без этого волнения и зрителя не получится взволновать, вызвать у него отклик в душе.

– Что для вас самое ценное в профессии актрисы? Что она вам дарит, а чего, быть может, лишает?

– Ничего меня моя профессия не лишила! А самое ценное в ней – исповедальность. Наша профессия глубоко связана с психологией человека. И, если касаться серьёзного материала, серьёзного подхода к разработке роли, к взаимоотношениям, это расширяет жизненный опыт, даёт понимание и видение искусства, других людей. И даёт принятие разных проявлений жизни. Позволяет не заикливаться на своей личной жизненной истории, своих проблемах.

Кроме того, наша профессия не терпит обмана. Если ты честен в работе, зритель может простить несовершенства. И это поддерживает тебя.

А ещё я всегда волнуюсь, когда выхожу на сцену. Ведь без этого волнения и зрителя не получится взволновать, вызвать у него отклик в душе. Мне также всегда интересно искать что-то в себе, что я могу сказать устами моих героинь. Эти поиски помогают мне в жизни. Моя профессия даёт мне возможность взглянуть в себя, совершенствовать себя. И я в конечном итоге становлюсь результатом моего творчества.

– Вам знакомы ситуации отчаяния? Как из них выходить, как пережить такие периоды?

– Да я всё время в кризисе и отчаянии! Практически каждая премьера – это кризис и отчаяние. Каждое расставание – это кризис и отчаяние. А иногда кризис и отчаяние просто потому, что я – несовершенна! И если я понимаю, что я несовершенна, что я не сделала чего-то идеально – у меня кризис и отчаяние. Выход? Жизненная стойкость и понимание, что кризис и отчаяние – это всего лишь период в жизни, а не конец жизни. И понимание, что человеческое ядро, твоё «я» не зависит от обстоятельств. Сущность человеческая очень цельная. И человеку мало чего надо! Прежде всего – сохранить себя. А кризисы и отчаяние происходят у нас от неоправданных ожиданий, от чего-то наносного, чего нам, может быть, хотелось, и нам представилось, что мы чего-то не получили, чему-то не соответствуем... Словом, от ерунды!

– На что вы с удовольствием тратите время?

– На занятия с моими студентами в Белорусском университете культуры и искусств. Преподавательская работа, общение с молодёжью меня всегда радует и очень обогащает мою жизнь. А ещё люблю тратить время на свой дом, на своих друзей. Отдыхаю тоже с удовольствием: люблю плавать, бывать на природе.

– Вам нравится роль мамы в реальной жизни? Как она вам удаётся?

– Мне хотелось ещё с юности, чтобы у меня была любимая профессия, была любовь и был ребёнок. Все мои желания исполнились! Моя дочь Ольга дарит мне огромную радость. Считаю, что роль мамы в реальной жизни мне удалась. Хотя никакой системы в воспитании я не придерживаюсь, творчески подхожу к нашему общению. Ольга сейчас учится на втором курсе Академии искусств по специальности «режиссура телевидения и кино». Мне очень интересно наблюдать, как она развивается, смотреть её курсовые работы, и... я уже снялась у неё как актриса. А вот Ольга никогда не мечтала стать актрисой. Общаясь с ней, я постоянно узнаю от неё много нового, обогащаюсь и просто радуюсь, что у меня есть дочь!

– Вы уже знаете, как быть в ладу с собой, как достичь гармонии в жизни?

– Гармония для меня приходит через страдание. Я так устроена. Через страдание, недовольство, злость, переживания приходит результат. И я этому удивляюсь и горжусь, что я его достигла. Поэтому я никогда ничего не загадываю, не строю планов. Я не знаю, что будет завтра, и не планирую этого завтра. Но порой оно приходит совсем неожиданно!

У меня не так давно произошла очень интересная встреча, которую я совершенно не планировала. Но о чём-то подобном мечтала... Примерно полгода назад мне захотелось поучаствовать в спектакле по современной драматургии. Никаких конкретных планов не было, но мне хотелось освоить современную драматургию. И вдруг у меня происходит замечательная встреча с прекрасной пьесой «Бог щекотки» Николая Рудковско-го. Он позвонил мне и рассказал о проекте НотоCosmos Екатерины Солодухи и Дариуша Езерского. Мне очень нравится этот проект!

Первый спектакль «Камера, которую дала мне мать» по прозе Сю-занны Кейсен, поставленный Дариушем Езерским, вызвал интерес даже у людей, далёких от театра. Спектакль горячо обсуждали в социальных сетях, а критики включили постановку в «Топ-10» 2016 года.

И когда меня пригласили поучаствовать в спектакле «Бог щекотки», я с радостью согласилась. Мне вообще нравятся острые темы, о которых в нашем обществе с трудом говорят. Мы ведь сложно раскрываемся — и в жизни, и в театре. А эти темы бурлят, выскакивают. Меня очень заинтересовало, насколько можно быть открытым. Я работала в этом спектакле в постановке Давида Мгебришвили, грузинского режиссёра, в совершенно непривычной для меня обстановке интерактивного театра. И мне очень нравится эта постановка!

С радостью бы и в дальнейшем работала с современной драматургией, пыталась бы говорить на острые, большие и для общества, и для человека темы. Я бы не хотела заниматься развлекательным театром, театром обслуживания. Мне это неинтересно.

